

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Школа — это тюрьма

06 мая 2013

И в тюрьме, и в школе наказывают за неисполнение приказов. Различия, разумеется, есть. Например, заключенные проводят гораздо меньше времени за точным исполнением того, что им приказано. Помимо этого, тюрьма служит карой, а к школе «приговаривается» каждый ребенок, единственный критерий здесь — это возраст.

- Александр Пиньский (Aleksander Piński)

Школа — это тюрьма
06 мая 2013

inosmi.ru

ru.anarchistlibraries.net

Интервью с американским психологом, профессором Бостонского колледжа Питером Греем (Peter Grey). В марте 2013 года вышла его новая книга под названием «Свобода обучения» («Free to learn: Why unleashing the instinct to play will make our children happier, more self-reliant, and better students for life»).

Uważam Rze: В своей новой книге вы пишите, что школа — эта тюрьма. Довольно смелое утверждение. Вы можете его обосновать?

Питер Грей: Тюрьма — это любое место, где людей лишают свободы и держат помимо их воли «под замком». У школьников нет выбора: они обязаны ходить в школу, даже если им хочется делать нечто совершенно другое. Более того, в большинстве стран они обязаны туда ходить, даже если их родители полагают, что им следует заниматься чем-то другим.

— Вы на самом деле не видите разницы между школой и тюрьмой?

— И в тюрьме, и в школе наказывают за неисполнение приказов. Различия, разумеется, есть. Например, заключенные проводят гораздо меньше времени за точным исполнением того, что им приказано. Помимо этого, тюрьма служит карой, а к школе «приговаривается» каждый ребенок, единственный критерий здесь — это возраст.

— Из ваших слов следует, что учителя — это аналог тюремных надзирателей. Называть учителей «вертухаями» — это не слишком?

— Тот факт, что школа — это тюрьма, остается секретом полишинеля как раз для того, чтобы не задевать чувств учителей, иначе окажется, что масса приличных людей с вполне благими намерениями прикладывает руку к лишению наших детей свободы. Осознать этот факт было бы не слишком приятно.

— А, может быть, школьное ограничение свободы идет детям на пользу?

— Несколько лет назад психологи Михай Чиксентмихайи (Mihály Csíkszentmihályi) и Джереми Хантер (Jeremy

Hunter) провели исследование с участием 800 школьников из 33 американских школ. Ученые раздали им специальные часы, по сигналу которых детям нужно было заполнить дневник, описав в нем свое настроение. Оказалось, что наименее счастливыми они были в школе. Любопытно, что резкое снижение настроения происходило уже в воскресенье вечером, когда выходные заканчивались, и приближался момент возвращения в школу.

— Вы хотите сказать, что образование доводит учеников до депрессии?

— За последние годы в США резко возросло количество часов, которые школьники проводят в школе. За тот же период резко увеличился процент детей с психическими проблемами. Например, в 1948 году лишь 4,1% подростков 14-16 лет соглашались при опросе с утверждением «мне кажется, я сойду с ума», а в 1989 — уже 23,4%, то есть - почти каждый четвертый! С 1950 года количество самоубийств среди подростков выросло в четыре раза.

— Откуда вы знаете, что это не случайное совпадение?

— За тот же самый период процент самоубийств в возрастной группе 25-40 лет вырос лишь незначительно, а среди людей старше 40 даже снизился. Депрессии и нервные расстройства чаще всего появляются у людей, которые ощущают, что не могут контролировать свою собственную жизнь. А как ее контролировать, если сначала ты целый день в школе выполняешь инструкции учителей, а потом делаешь дома заданные им домашние задания?

— Может быть, нам следует реформировать систему образования?

— Проблема с системой школьного образования заключается в том, что его задачей всегда было не обучение, а идеологическая обработка и воспитание лояльности властям. Политики пришли к выводу, что государство должно заняться обучением подданных, когда в конце XVIII века в Пруссии граждане начали угрожать существовавшей там феодальной системе: крестьяне бунтовали против своих хозяев, разгорались восстания, все громче говорилось о революции. В 1794 году прусский король Фридрих Вильгельм II объявил, что обязательное образование стало необходимым элементом безопасности государства наравне с воинской повинностью.

— Вы хотите сказать, что государственное образование появилось не для того, чтобы учить тех, кто не мог себе этого позволить сам?

— В начале XIX века три четверти жителей США, включая рабов, умели читать и писать. В развитых странах Европы процент был примерно такой же. Количество грамотных было больше, чем количество рабочих мест, где требовалось такое умение. Так что внедрение государственного образования исходило не из намерения искоренить неграмотность, а из стремления получить контроль над тем, что люди читают, как они мыслят и как они себя ведут.

— Вы говорите о событиях прошлого. Неужели в наше время мы не можем использовать государственное образование так, чтобы оно шло ученикам на пользу?

— Дело в том, что в данной модели образование равняется знаниям, которые взрослые «впихивают» в головы детям.

последствий того, что они не учились в традиционных школах, а те, у кого в знаниях были какие-то пробелы, спокойно самостоятельно их наверстали. Самое важная и характерная почти для всех выпускников школы черта: они все легко находят работу, а потом занимаются ею с огромным удовольствием.

— Вы считаете возможным, чтобы все школы стали такими, как Sudbury Valley?

— Через 50 лет все традиционные школы будут считаться варварским пережитком прошлого. Нынешняя система делает детей несчастными и испытывает их на психическую прочность. Что еще важнее — она не гарантирует им ни постоянной работы, ни зарплаты, ни безопасности, как было еще несколько десятков лет назад: ведь мест работы, где требуется беспрекословное исполнение приказаний, становится все меньше, а те, что остаются, связаны с низкооплачиваемым трудом. Если мы хотим, чтобы наши дети были счастливы и смогли впоследствии профессионально себя реализовать, мы должны дать им гораздо больше свободы, чем у них есть сейчас.

Но такой способ обучения неэффективен. Психолог Лора Шульц (Laura Schulz) провела такой эксперимент: она дала группе детей четырех-пяти лет поиграть с игрушками, в которых при нажатии разных кнопок зажигались лампочки или звучали звуки. Другой группе детей учитель предварительно объяснил, как работает игрушка, и что происходит при нажатии определенных кнопок. Оказалось, что в первой группе дети играли гораздо дольше, чем во второй: те решили, что учитель рассказал им все, что они могут узнать. Нет оснований думать, что в школе не возникает того же эффекта.

— Можно ли мотивировать школьников к обучению оценками или какими-то другими поощрениями?

— В начале 70-х в Мичиганском университете провели эксперимент на дошкольниках, которые очень любили рисовать фломастерами. Их разделили на две небольшие группы: одну попросили нарисовать рисунок, но ничего не предлагали взамен, а второй обещали награду в виде красивого диплома. Рисунки тех, кому предложили «пряник» были гораздо хуже, вдобавок дети провели за рисованием на 50 процентов меньше времени, чем их сверстники из первой группы. Подобные эксперименты проводились на людях разного возраста, и результат был всегда один и тот же: поощрение не только не помогает, но даже вредит процессу обучения.

— Раз государственное образование вредно, что можно предложить взамен?

— На протяжении практически всей мировой истории обучение детей находилось в их собственных руках. Дети рождаются с инстинктивной потребностью в еде

и питье, таким же естественным можно назвать их желание учиться тому, что им нужно для нормального функционирования в окружающем мире. Нами руководит врожденное любопытство, желание развлекаться и завязывать отношения. Стремления здорового человека к знаниям неутолимо.

— Вы намекаете, что детям вообще не нужны учителя?

— Многих выдающихся людей, которые достигли успехов в самых разных областях, связывает одно: они не любили школу. Их выгоняли или они уходили сами, а потом получали знания самостоятельно. Здесь можно, например, привести имена Марка Твена, Томаса Эдисона, Уинстона Черчилля, Альберта Эйнштейна или бизнесмена Ричарда Брансона (Richard Branson).

— Вы говорите об исключительных случаях, а что с обычными детьми, не обладающими амбициями менять мир?

— В 1999 году Сугата Митра, который был тогда руководителем научного отдела одной индийской IT-компании, встроил в стену дома в трущобах Нью-Дели компьютер. Большинство окрестных детей не только не видели в своей жизни компьютера, но даже не умели читать и писать. За несколько дней без какой-либо помощи со стороны взрослых они научились включать музыку, запускать игры и играть в них, рисовать в графической программе, пользоваться интернетом. Митра повторял свой эксперимент много раз — и в городах, и в деревнях, и результат везде был одинаков.

— Но для функционирования в современном мире знакомства с компьютером недостаточно. Как быть с

другими умениями?

— В конце 60-х годов Даниэль Гринберг (Daniel Greenberg), молодой преподаватель физики из Колумбийского университета, которого беспокоила апатия учеников обычных школ, создал учебное заведение, в котором именно ученики принимают решение, чем им заниматься. Они могут, например, играть на гитаре, лазить по деревьям, ловить рыбу, играть в баскетбол, а заодно изучать математику, физику или географию. Выбор остается за ними. Им не ставят оценок и не проверяют тестами.

— Это единственное в своем роде заведение?

— Нет, школа называется Sudbury Valley School и существует уже более 40 лет. В США по такой системе работает 22 школы, в других странах — как минимум 14. Кроме того, в США значительно растет процент детей, находящихся на домашнем обучении. За последние 12 лет их число выросло почти вдвое: до двух миллионов. Это 4% всех детей школьного возраста. Примерно 10% детей, которые учатся дома, свободно выбирают себе то, чем они хотят заниматься. Это движение уже получило свое название — «анскиулинг».

— Как понять, смогут ли дети, которые сами решают, чему им учиться, преуспеть во взрослой жизни?

— У меня самого были такие опасения, потому что мой сын ходил в школу Sudbury Valley. Поэтому я провел среди выпускников опрос, результаты которого опубликовали потом в журнале American Journal of Education. Выяснилось, что 75% выпускников школы поступили в вузы. 71% заявил, что они не ощутили никаких негативных